

Сюй Бинь с Тан Фанем впервые видели друг друга и прежде ни разу не пересекались. Если между ними и была какая-то обида, Сюй Бинь был всего лишь торговцем: даже самые богатые из них обычно не смели бросать вызов придворным чиновникам. Особенно императорским посланникам, вставляя палки в колеса которым, можно было с легкостью сесть в лужу.

Магистрат Фань упоминал, что Сюй Бинь был родственником правого помощника министра назначений Нанкина. Причем родственником дальним. Любой, кто был родом из одного города или клана с высокопоставленным чиновником мог точно с таким же успехом прикрываться их именем, так что Тан Фань догадывался, что Сюй Бинь определенно не так прост, как кажется.

Как и ожидалось, Цзи Минь разрешил его сомнения:

— Прежде покровителем Сюй Биня был Чэнь Чжи, бывший министр финансов Нанкина (дядя Чэнь Луаня из прошлого тома), а после того, как тот ушел в отставку, Сюй Биню пришлось пожертвовать большей частью своего состояния и наладить связи с первым министром Ванем, чтобы получить разрешение на торговлю солью на ближайшие три года, – сказав так, он иронично покачал головой: – Поговаривают, что Чэнь Чжи потерпел неудачу из-за тебя. И именно из-за тебя Сюй Биню пришлось подарить большую часть своего состояния первому министру Ваню. Как думаешь, есть ли ему за что тебя ненавидеть?

— Вот оно что, – прозрел Тан Фань. – То-то я смотрю, он глядит на меня так, будто я ему несколько десятков тысяч таэлей задолжал, и постоянно смутить пытается. Оказывается, он пользуется поддержкой большого древа Вань Аня. Теперь ясно, откуда столько бесстрашия!

— Да, Жуньцин, хоть бояться тебе его пока нечего, лучше этого негодяя лишний раз не провоцировать. Оскорбишь благородного мужа – в худшем случае в лицо плюнут, оскорбишь негодяя – напакостит у тебя за спиной.

— Имеешь в виду, что дело, которое я расследую, может быть связано с ним?

— Этого я не знаю, однако есть одно “но”: накануне официального этапа экзамена сын Сюй Биня Сюй Суй поссорился в академии с покойным Линь Чжэнем. Они оба в этом году принимали участие в сдаче экзамена. После оглашения результатов Линь Чжэнь попал в первую двадцатку, а Сюй Суй – нет.

Это было важной подсказкой.

— Как ты узнал об этой ссоре? – задумчиво пробормотал Тан Фань.

— Академия на острове Байлу, в которой они учились, – самая известная академия в Цзиани, – покачал головой Цзи Минь. – Ветерок, что всколыхнул траву, может пройти по каждому переулку. Эти двое наделали много шума, даже драку затеяли. Я сам чуть не явился успокаивать их. Говорят, разнимать их вышел глава академии. Если бы за дело взялся я, ученые были б опозорены, что негативно сказалось бы на их будущем.

— Я понял. Это весьма полезная информация, спасибо. Время уже позднее. Прости, что тебе приходится терпеть неудобства и ночевать сегодня здесь.

— Да разве ж это неудобства? – рассмеялся Цзи Минь. – Это я велел подготовить почтовую

станцию. Но мне еще о многом хочется с тобой поговорить. Может, поспим сегодня вместе?

Не успел Тан Фань ответить, как прежде безмолвствовавший подле него Лу Линси выпалил:

— Брат Тан, моя рана так болит!

Он уже некоторое время сидел тихо, как мышка, практически всем телом навалившись на Тан Фаня. Тан Фань думал, что тот спит, и аж вздрогнул, когда тот внезапно заговорил.

Повернув голову, он скосил на него взгляд:

— Если болит, иди к себе и отдохни.

— Хе-хе, брат Тан, – рассмеялся Лу Линси, – можешь меня проводить? Я не могу идти.

Тан Фань был из тех, на кого действуют уговоры, а не принуждение. Свирепые взгляды на нем не работали, а вот мягкие просьбы могли заставить его пойти на компромисс.

Суй Чжоу это давным-давно понял, а теперь еще один уловил эту его черту характера. Как бы глава Двора Суй чувствовал себя, если бы прознал об этом?

— Молодой господин Лу уже не малыш, так почему ведет себя как ребенок? – рассмеялся Цзи Минь. – Вот почему Жуньцин назвал тебя своим младшим братом!

Слова его очень огорчили Лу Линси, однако от роли богатенького молодого господина он отказываться не собирался. Он продолжал цепко держаться за рукав Тан Фаня с бесстыдным видом: “А что ты мне сделаешь?”

Цзи Минь не обратил на это никакого внимания. С тех пор как потерпел неудачу на императорских экзаменах, он познал все людское лицемерие и повстречал немало персонажей всех сортов и повадок. Лу Линси было его не удивить.

— Жуньцин, ты и так сегодня набегался. Давай лучше я провожу молодого господина Лу!

— Не нужно, брат Цзымин. Спасибо за доброту, – отозвался Тан Фань. – Я сам провожу Ицина. Ступай отдохни, завтра поговорим.

Цзи Миню ничего не оставалось, кроме как с улыбкой кивнуть:

— Хорошо.

Все трое жили в одном дворе и путь занял лишь несколько шагов. Лу Линси раненный отправился подслушивать разговоры Тан Фаня и Цзи Миня, так что и обратно бы сам без проблем добрался. Тан Фань догадывался, что тот собирается сказать ему что-то наедине, а потому сделал, как он хочет, и отправился его провожать.

Лу Линси на самом деле очень устал, однако продолжал строить из себя бодрячка. Войдя в

комнату, он без сил упал на кровать. Видя это, Тан Фань почувствовал себя виноватым и расстроился:

— Если хотел что-то сказать, мог бы подождать до завтра. Если бы послушался меня и остался отдыхать здесь, не утомился бы так.

— Командующий Ван говорил мне о секте Белого Лотоса, – вымученно улыбнулся ему Лу Линси, – однако я не воспринял его слова всерьез, полагая, что приставленные к тебе люди способны тебя защитить и все будет хорошо. Теперь я понял, что ошибался. Несколько безымянных бандитов ночью привели нас в столь плачевное состояние. Будь их чуть больше, ты бы сейчас... Страшно даже подумать. Мне боязно оставлять тебя вне поля зрения.

— Это же почтовая станция, что тут может случиться? – удивился Тан Фань. – Не переусердствуй. Осторожность – это хорошо, но не стоит каждого куста шарахаться. Иначе как ты ночью спать собираешься?

— Брат Тан! – Лу Линси схватил его за рукав. – Можешь поспать сегодня здесь? Я должен тебя видеть, иначе с ума сойду от беспокойства. Приду под твоей дверью сторожить. Выбирай! Ты же не оставишь меня на улице ночевать?!

Тан Фань не знал, что с ним и делать:

— Тогда идем в мою комнату. Там кровать побольше, на этой вдвоем не уместиться.

Лу Линси радостно вскрикнул. Мгновение назад он чуть не умирал от слабости, а теперь подскочил с кровати так, будто и ранен совсем не был.

Тан Фань: "..."

Был июнь, но ночи стояли не особо жаркие. На кровати был постелен бамбуковый освежающий коврик, на котором, не ворочаясь, могли уместиться двое мужчин.

Однако Лу Линси почему-то был необычайно взволнован и продолжал извиваться, как гусеница, так что Тан Фаню пришлось протянуть руку, чтобы остановить его:

— Ты всю ночь с Шэнь Си сидел. Что-нибудь выяснил?

Лу Линси тотчас вспомнил о деле и ужасно смутился. Виновато откашлявшись, он ответил:

— Кое-что. Думаю, молодой господин Шэнь и правда голова садовая.

— Почему ты так решил? – поднял брови Тан Фань.

— Сначала, глядя на то, как он ведет себя на пиру, я решил было, что он намеренно косит под дурачка, – улыбнулся Лу Линси, – но затем, обменявшись парой слов, узнал, что в последние пару лет он только и делает, что творит произвол, прикрываясь именем отца. Ничего серьезного, так, мелочи. И в учебе никакого прогресса. Шэнь Кунсю в ярости повсюду его с собой таскает. От отца бы он не стал таиться, да к тому же столько лет!

— Шэнь Кунсю довольно умен, хоть и консервативен. Такой сын, должно быть, наказание за

грехи прошлой жизни!

Отец оказался замешан в деле и должен был всеми силами пытаться избежать подозрений, однако сын продолжал в открытую ходить по пирам в честь императорского посланника. Со стороны могло показаться, что отец подослал его, чтобы подкупить императорского посланника. Если бы Шэнь Куньсю прознал об этом, до смерти бы разозлился.

Неудивительно, почему он везде таскал его с собой. Без него Шэнь Си наворотил бы дел.

— Я одного с ним возраста, – улыбнулся Лу Линси. – Брат Тан, как думаешь, я сильно симпатичнее его?

Тан Фань закатил глаза:

— В плане развития ты не далеко от него ушел. Сравнивать себя с Шэнь Си! А что ж со мной не сравнил?

От рождения утонченный и красивый, Тан Фань был ни капли не женственен. Закатанные глаза не делали его соблазнительнее или очаровательнее. Закатанные глаза были лишь закатанными глазами.

Однако тем, кому он нравился, он казался прекрасным любимым. Лу Линси тотчас пристал к нему с вопросом:

— Брат Тан, тогда расскажи мне, каким ты был в юношестве?

— Ты руку повредил или голову? – Тан Фань не собирался продолжать этот разговор. – Такое чувство, что ты вдруг стал моложе лет на десять. Ведешь себя как ребенок и косишь под дурачка. Уже поздно. Лучше спи давай, если и дальше лицемерить собрался!

С этими словам он перевернулся на другой бок, спиной к Лу Линси.

Лу Линси хотелось положить руку ему на пояс, но он боялся, что Тан Фань рассердится и навсегда отвернется от него. Так, прокручивая в голове всякие грязные абсурдные мыслишки, воплотить в жизнь которые кишка была тонка, он мог лишь обиженно сверлить взглядом чужую спину, пока ослабевшее тело не дало о себе знать и он не заметил, как заснул.

Больше в ту ночь не было произнесено ни слова.

На следующий день Тан Фань встал поздно: все-таки вчера на него было совершено покушение, и ему пришлось провести большую часть ночи без сна. Проснувшись, он услышал от служащего почтовой станции, что магистрат Фань пришел и ожидает встречи.

Магистрат Фань ждал его почти все утро. Боясь разбудить Тан Фаня, он не велел докладывать о своем прибытии до тех пор, пока Тан Фань сам не проснется.

Увидев опрятно одетого Тан Фаня, он поспешил встать и почтительно поклониться:

— Этот скромный чиновник приветствует господина.

— Магистрат Фань, не стоит так церемониться, – ответил Тан Фань. – Почему ты не велел разбудить меня, раз уж у тебя ко мне дело?

Магистрат Фань сухо рассмеялся. Разве он осмелился бы на подобное?

— Этот скромный чиновник здесь, чтобы принести извинения господину! Ночное покушение на господина потрясло этого скромного чиновника до глубины души. Вместе с цяньху Танем мы обыскали весь город. Недавно прибыло подкрепление. Думаю, мы скоро отыщем этих бандитов!

Он, хоть и сказал так, сам прекрасно понимал, что шансов поймать кого-то почти нет. Раз они не смогли поймать их ночью, теперь, как бы сильно они того ни желали, сделать это было еще сложнее. Убийцы ничем не раскрыли свои личности, а солдаты имели право обыскивать лишь дома простых горожан – важные улики так было не собрать. Все равно что искать иголку в стоге сена.

Как местный чиновник, магистрат Фань нес ответственность за это дело, однако Тан Фань на себе испытал мощь этих убийц. Те были явно хорошо подготовлены, раз вышли из боя целыми и невредимыми. В городе у них, должно быть, были убежища, в которых они могли в любой момент затаиться и переодеться в простые одежды, а затем на рассвете покинуть город, затерявшись в толпе. Где их теперь искать?

А потому Тан Фань магистрата Фаня сильно не винил, а, напротив, ответил:

— Магистрат Фань, не казни себя. Ты сделал все, что мог. Никто не мог предвидеть подобного, так что не будем больше о произошедшем. Но в будущем следует быть более осторожными. Не хотелось бы, чтобы подобное повторилось.

— Господин прав, – вздрогнул магистрат Фань. – Этот скромный чиновник признает свою ошибку! Господин, раз Ваши подчиненные ранены, этот скромный чиновник одолжил у цяньху Таня нескольких отличных бойцов для господина. Что думаете?

Вел он себя совсем не так, как Чэнь Луань. Чэнь Луань полагался на своих покровителей и смотрел на Тан Фаня свысока, тогда как магистрат Фань боялся оступиться и быть осужденным императорским посланником. Черная шапка чиновника не могла защитить его, так что он изо всех сил лебезил перед Тан Фанем, дабы тот не решил, что ему не уделяют должного внимания.

Тан Фань задумался. Двое из четырех посланных с ним Ван Чжи людей были серьезно ранены. Количество человек в его распоряжении резко сократилось. Он согласно кивнул:

— Тогда распорядись, чтобы они сторожили почтовую станцию. Спасибо тебе.

Начальство, что охотно принимало жесты доброй воли и не выказывало желания карать за проступки, было пределом мечтаний магистрата Фаня. Вне себя от радости он вздохнул с облегчением:

— Этот скромный чиновник лишь выполняет свою работу. Делает, что должно! Делает, что должно!

Магистрат Фань ушел, зато появился Лу Линси:

— Брат Тан, люди, присланные магистратом Фанем, – простые солдаты. Их навыки ограничены. Думаю, они все вместе и со мной одним не сравнятся!

— Тебе разве не предписан покой? Почему снова вскочил?

— Даже ты уже встал, как я могу спать? – расплылся в улыбке Лу Линси. – Я же говорил, куда ты, туда и я. Иначе как мне тебя защищать? Я не хочу, чтобы произошедшее сегодня ночью повторилось!

Он был немного бледен, однако так и лучился энергией. Юноша быстро шел на поправку, а его рана была легче, чем у Си Мина и его людей. Пока он не шевелил поврежденной рукой, проблем не должно было возникнуть.

— Молодой господин Лу прав! – в комнату вошли Си Мин с Хань Цзинем. Из всех четверых эти двое наименее пострадали. – Господин, прошлой ночью у них ничего не вышло, так что они обязательно вернутся. Нельзя допустить, чтобы подле Вас никого не оказалось.

— Но ваши раны... – нахмурился Тан Фань.

— Внутренних повреждений нет, – беззаботно улыбнулся Си Мин. – Мы в состоянии передвигаться, бегать и прыгать. Господину не о чем беспокоиться!

Они продолжали настаивать на своем, и возражать больше не было смысла.

— В таком случае, после завтрака Си Мин с Хань Цзинем отправятся со мной к Шэнь Кунью, а ты, Ицин, попроси у магистрата Фаня труп Линь Чжэня, а затем приведи коронера, чтобы тот еще раз внимательно установил причину смерти.

Линь Чжэнь был учеником, что повесился, оставив напоследок кровавое посмертное послание.

До тех пор пока дело не раскрыли, повторные экзамены проводить было нельзя. В деле оказались замешаны более десяти учеников, претендовавших на звание ученых. Если факт их жульничества подтвердится, их звания им никогда не вернут. В таком случае получится, что смерть Линь Чжэня была напрасной и он покончил с собой из-за стыда. Если окажется, что Шэнь Кунью несправедливо рассудил дело и выдвинул против них ложные обвинения, а ученые вовсе не жульничали на экзамене, карьере Шэнь Кунью придет конец.

Все просто, однако результат расследования зависел целиком и полностью от Тан Фаня.

Будь на месте Шэнь Кунью другой чиновник, он, даже если бы не был виновен, поспешил бы подлизаться к Тан Фаню, дабы тот не обиделся и не перешел на сторону ученых. Но Шэнь Кунью был не такой. Он не появился ни вчера, ни сегодня и даже не отправил никого поприветствовать Тан Фаня.

То ли слишком честный, то ли чересчур высокомерный.

Си Мин и Хань Цзинь тотчас согласно закивали, а вот Лу Линси принялся спорить:

— Брат Тан, можно я поменяюсь с Си Мином?

— Делай, что тебе говорят, – Тан Фань погладил его по голове.

Лу Линси, едва заметно надув губы, покорно подчинился судьбе.

О визите следовало предупреждать заранее в письме, однако Тан Фань был императорским посланником и подобные правила его не касались. В сопровождении Си Мина и Хань Цзиня он направился напрямик к Шэнь Кунью.

В городе было две почтовые станции. На одной остановились Тан Фань и его люди, а на второй в настоящее время располагалась резиденция Шэнь Кунью.

Шэнь Кунью был инспектором образования Цзянси и жил в префектуре Наньчан. Проводя инспекции в префектурах провинции, он всегда останавливался на почтовых станциях.

Будучи глубоко обеспокоенным делом об императорском экзамене, он практически не покидал своего рабочего места, так что, когда Тан Фань пришел, был на станции.

Они оба были чиновниками третьего ранга, но из-за статуса Тан Фаня Шэнь Кунью пришлось вежливо поприветствовать его. Тан Фань и не думал его останавливать. Заняв предложенное место, он не стал попусту чесать языком и тотчас перешел к делу:

— Я только прибыл, и, кроме информации, содержащейся в докладах ко Двору, да слухов, мне ничего не известно. Прошу сюэтай Шэня подробно рассказать о произошедшем с самого начала.

Шэнь Кунью начал свой рассказ. По правде говоря, в деле этом не было ничего сложного.

С тех самых пор, как во времена династии Тан ввели императорские экзамены для квалифицирования ученых, некоторые из них выбирали более легкий путь и жульничали. К тому времени, как династия та достигла своего расцвета, многие экзаменуемые были готовы на все, чтобы преуспеть. Прятать шпаргалки в одежде, шляпах или обуви было слишком опасно: риск попасться и разрушить свое будущее был слишком велик. Поэтому хитрецы придумали более надежный способ жульничества – подкуп экзаменаторов.

Экзаменаторы тоже были людьми. А у каждого человека есть семь эмоций и шесть желаний*. И конечно у них были свои слабости. Однако после династии Сун все экзаменационные работы начали заново переписывать прежде, чем отправлять на проверку экзаменаторам. Имена не указывались – их узнавали лишь после публикации результатов, да и по почерку определить нужную работу было нельзя, так что заранее сообщать экзаменатору свое имя было бессмысленно, если только тот лично не проводил экзамен.

Человек – существо изобретательное, так что вскоре появился новый способ жульничества: нужно было заранее встретиться с экзаменаторами и согласовать с ними кодовое словосочетание. В этот раз таковым стало “большое достижение также”, которое

экзаменуемые изо всех сил старались впихнуть в свое эссе. Видя эти три слова, экзаменаторы понимали: это заранее оговоренный код, работу следует оценить высоко.

На нынешнем экзамене использовался тот же фокус с кодовым словосочетанием, но Шэнь Кунью не заметил этого сразу. Он проводил экзамены не только в Цзиани, но и в множестве других префектур, так что в этом не было ничего странного. Его возможности были ограничены. После того как экзаменаторы выставили оценки, он просмотрел несколько лучших работ и, на беглый взгляд решив, что все в порядке, утвердил список победителей. Он не ожидал, что разразится такой громкий скандал.

Словосочетание “большое достижение также”, в общей сложности промелькнуло в шестнадцати работах, включая эссе покойного Линь Чжэня. Шэнь Кунью безуспешно допросил экзаменаторов, а затем собрал всех шестнадцать человек и заставил их переписать экзамен, после чего обнаружил в их работах множество несостыковок. Так он решил, что все шестнадцать виновны, а значит, их следует навсегда лишить звания ученых.

Подобный вердикт был подобен грому среди ясного неба для ученых, положивших свои жизни ради научных достижений и официальной карьеры, и впоследствии привел к самоубийству Линь Чжэня.

Выслушав его, Тан Фань спросил:

— Раз Сюэтай Шэнь повторно проэкзаменовал тех шестнадцать человек, их работы должны были сохраниться?

— Так и есть.

— Можно взглянуть?

Эти бумаги были важным доказательством, так что Шэнь Кунью сохранил их в целости и сохранности.

Он быстро отыскал их и вручил Тан Фаню вместе с работами, написанными этими шестнадцатью учеными во время официального этапа экзаменов.

Просмотрев их, Тан Фань спросил:

— Сюэтай Шэнь, обе работы Линь Чжэня на достойном уровне, серьезных различий нет. Последнее эссе, на беглый взгляд, почти не уступает первому. Видно, что оба составлены настоящим талантом.

— Да, его работы не имеют серьезных различий, но это не значит, что он не жульничал, – возразил Шэнь Кунью. – Словосочетание “большое достижение также” присутствовало в его прошлом эссе, а значит, он тоже свернул на неверную дорожку. Решил подстраховаться, но его раскрыли.

Звучало вполне разумно. Сказать, что Шэнь Кунью был неправ, было нельзя. Однако любой другой инспектор образования на его месте, обнаружив, что экзаменуемый великолепно

справился с обоими испытаниями, предпочел бы отпустить его с миром. Тех, у кого уровень работ отличался, лишили бы звания ученых, а на остальных закрыли бы глаза.

Все потому, что за формирование общественного мнения отвечали чиновники, которые были учеными, а все ученые когда-то тоже были экзаменуемыми. Казалось, что император там наверху был единственным, кто обладает властью, но на деле страной он правил не один, а вместе с гражданскими чиновниками, а потому к ученым был всегда довольно снисходителен.

Говаривали даже, что когда-то в одной префектуре из-за случившегося в ней недавно стихийного бедствия участие в официальном этапе экзамена приняло в разы меньше человек, чем в прошлые годы, а вот число успешно его сдавших было намного больше, чем прежде. Лишь пять человек не справились с заданием, как следовало. Остальные ученые, преуспевшие на экзамене, направили главному экзаменатору прошение о том, чтобы тот в качестве жеста доброй воли аттестовал и этих пятерых. Экзаменатор решил, что их просьба разумна и включил пятерых провалившихся в список сдавших. Позже молва об этом распространилась по ученым кругам. Все хвалили экзаменатора и ни один его не осудил.

Так что решение Шэнь Кунью, по сравнению с повсеместной практикой, было слишком суровым.

Однако сказать, что он был неправ, было нельзя, поскольку все шестнадцать ученых действительно вызвали подозрения. Возможно, среди них были те, кто могли сдать экзамен своими силами, но все равно решили подстраховаться, воспользовавшись кодовым словосочетанием, и в итоге поплатились за это.

Перед расследующим это дело Тан Фанем стояли две задачи: во-первых, определить, лишать ли всех шестнадцать ученых звания, а во-вторых, выяснить, виновен ли Шэнь Кунью в самоубийстве Линь Чжэня.

— В Цзиани до меня дошли кое-какие слухи о сюэте Шэне, — начал он.

— Какие слухи? — нахмурился Шэнь Кунью.

— Слышал, у сюэтая Шэня были личные счеты с отцом Линь Чжэня?

— Чушь! — Шэнь Кунью отреагировал слишком бурно и даже хлопнул по столу ладонью. — Кто наплел об этом цензору Тану? Доказательства жульничества Линь Чжэня и остальных неопровержимы, так что я лишил их звания ученых! Все справедливо! Не желаю терпеть клевету!

Заметив, как тот побагровел от гнева, Тан Фань продолжил:

— Сюэтай Шэнь, не сердитесь. Я был обязан спросить об этом, чтобы иметь более полное представление о произошедшем, даже если это просто слухи. Кроме того, нужно выяснить мотивы тех, кто распустил слухи после публикации результатов экзамена. Очень подозрительно. Сюэтай Шэнь выяснил что-нибудь по этому поводу?

На самом деле Шэнь Кунью даже не искал тех, кто распространял слухи. К тому времени, как

он узнал о произошедшем, поднялся большой шум. Он был занят тушением пожара, и ему некогда было искать поджигателя.

— Нет! – мрачно ответил он, услышав вопрос Тан Фаня.

— А что насчет экзаменаторов? Сюэтай Шэнь допросил их повторно? Как они объяснили жульничество студентов? – продолжал спрашивать Тан Фань.

— Допросил. Они отказались признаваться.

Тан Фань нахмурился: “Они отказались или ты и не спрашивал?” Очевидно, что экзаменующиеся действовали не одни, они договорились с экзаменаторами. Иначе откуда взяться кодовому словосочетанию?

Заметив хмурое выражение лица Тан Фаня, Шэнь Кунью рассердился.

Еще раз проанализировав свои поступки, он пришел к выводу, что не сделал ничего плохого. Мишенью всеобщей критики он стал лишь из-за самоубийства Линь Чжэня. Шэнь Кунью не возражал против того, что Двор направит сюда императорского посланника для расследования, однако, услышав, как совсем юный Тан Фань разговаривает с ним как с каким-то преступником, ужасно разозлился.

— Осмелюсь спросить сюэтай Шэня, сколько экзаменаторов проверяло работы на официальном этапе экзамена и откуда они?

— Пятеро. Все они главы академий префектуры Цзиань.

— Где они сейчас? Я хочу встретиться с ними.

— У себя дома.

— Они были вовлечены в это дело, а значит, находятся под подозрением, – Тан Фань был больше не в силах выносить это. – Сюэтай Шэнь знал, что Двор направит меня расследовать это дело, и все равно отпустил их домой?! Как Вы это объясните?!

— Если цензору Тану что-то не нравится, – фыркнул Шэнь Кунью, – он может сам вызвать их на допрос!

Его несговорчивость вывела Тан Фаня из себя. “Наворотил дел, а теперь строишь из себя оскорбленную невинность! Кого ты пытаешься напугать?!”

— Я доложу об этом! – лицо Тан Фаня исказилось от гнева.

Означало это: “Я пожалуюсь на тебя ко Двору”.

— Как Вам будет угодно! – неожиданно грозно отозвался Шэнь Кунью.

Беседа их закончилась не на самой приятной ноте. Зная, каким человеком был Шэнь Кунью, Тан Фань больше не стал ничего говорить, лишь с грохотом поднялся и уже собирался уйти,

взмахнув рукавами, как вдруг в комнату вбежал человек с перекошенным от ужаса лицом:

— Господин! Господин! Беда!

Заметив Тан Фаня, он замолчал, однако выражения лица не сменил, что смотрелось весьма нелепо.

Поняв, что новость, что тот принес, не предназначена для его ушей, Тан Фань не стал больше задерживаться. Распрощавшись с Шэнь Куньюсю, он покинул почтовую станцию вместе с Си Мином и Хань Цзинем.

Шэнь Куньюсю даже не поднялся, чтобы проводить его, оставшись сидеть, где сидел.

— Господин, лицо у слуги Шэнь Куньюсю было какое-то странное, – обратился к Тан Фаню Си Мин, стоило им только покинуть резиденцию Шэнь Куньюсю.

Тан Фань кивнул. Он тоже заметил, что тот выглядел слишком напуганным. Должно быть, произошло что-то серьезное.

— Иди поспрашивай, что случилось. И еще отыщи пятерых экзаменаторов и тех ученых, что оказались вовлечены в дело о жульничестве. Я должен допросить их. Можешь обратиться за помощью к магистрату Фаню. Он не посмеет отказать.

Си Мин согласно кивнул.

Если жульничество действительно имело место быть, то без экзаменаторов тут не обошлось, а Шэнь Куньюсю просто взял и отпустил их. Любой бы начал его подозревать.

Шэнь Куньюсю ясно дал понять, что сотрудничать отказывается, однако Тан Фань не считал, что не сможет справиться без него. Изначально это дело не было сложным, но, пока вовлеченные в него стороны отсутствовали, расследование было не начать.

Получив приказ, Си Мин немедленно отправился на поиски магистрата Фаня. Тан Фань отвел Хань Цзиня обратно на почтовую станцию, чтобы тот отдохнул, и наткнулся там на Лу Линси.

— Брат Тан, Линь Фэнъюань сказал, что тело Линь Чжэня было погребено.

Послесловие автора:

В прошлой главе говорилось, что в этой, скорее всего, появится домочадец, но он пока не появился. Я не хочу жертвовать логикой в сюжете ради привлечения внимания, а потому сразу сообщила об этом в заголовке**, чтобы читатели не разочаровывались при чтении. Какой совестливый (...) автор ~~~

Мини-театр:

Тан Фань: Я ведь главный герой. Меня вам недостаточно?

Ван Чжи: Теперь в моде несовершенная красота. Например, мужчина вроде меня, со статусом, положением, своими мыслями и взглядами на мир, у которого было тяжелое детство, но он продолжал самосовершенствоваться и наконец добился высот в жизни... Таких людей очень мало, поэтому все и любят командующего Вана, смекаешь?

Суй Чжоу: Мне достаточно нравится лишь одному человеку.

Тан Фань: ... (отворачивается, делая вид, будто ему все равно, а на самом деле тайком краснеет)

Примечания переводчика:

* - Семь эмоций: радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть и желание. Шесть желаний: желание выжить, стремление к знаниям, самовыражению, самоутверждению, комфорту и сексуальное желание (в разных источниках списки отличаются).

** - Раньше глава называлась "Суй Чжоу не будет в этой главе", но в апреле 2022 года МСШ изменила заголовок.

Чтобы ни я, ни вы больше не путались, распишу об административно-территориальном делении (от большего к меньшему) и встреченных в сюжете чиновниках, которые отвечают за каждую из адм./тер. единиц этого тома:

Провинция Цзянси:

- Шэнь Куньсю, сюэтай Шэнь – инспектор образования провинции Цзянси 3 ранга, главный экзаменатор, который обвинил 16 ученых в жульничестве. Обладает тяжелым характером.
- Главный посланник – зять Фан Хуэйсюэ.

Префектура Цзиань:

- Фань Юэчжэн, магистрат Фань, – магистрат префектуры Цзиань. Выслуживается перед Тан Фанем.
- Сунь Юй – заместитель магистрата префектуры Цзиань. Подлизывается к ТФ.
- Цяньху Тань – командир батальона Цзиани, подоспел на помощь к ТФ, когда на того совершили нападение.
- Линь Фэнъюань – главный судья префектуры Цзиань, сын человека, который, по сплетням, когда-то дисквалифицировал Шэнь Куньсю с официального этапа экзамена.

Округ Лулин:

- Цзи Минь, Цзи Цзымин или просто Цзымин, окружной магистрат Цзи – магистрат округа Лулин, старый друг ТФ, который упоминался в 6 главе.

Прочие персонажи этого тома:

- Си Мин и Хань Цзинь – двое из четырех телохранителей ТФ, приставленные ВЧ. Бывшие служащие Западной Ограды, ныне – солдаты левой гвардии Леса Перьев.

● Фан Хуэйсюэ, купец Фан – торговец тканями, прозванный Великий Благодетель Фан, тесть главного посланника провинции Цзянси.

● Сюй Бинь, купец Сюй – торговец солью. Имеет покровителя в лице чиновника Нанкина. Почему-то цепляется к ТФ. Дальний родственник правого помощника министра назначений Нанкина.

● Шэнь Си, молодой господин Шэнь – необразованный сын Шэнь Куньсю.

● Линь Чжэнь – сын Линь Фэнъюня, один из 16 дисквалифицированных ученых. Повесился.

● Сюй Суй – сын Сюй Биня, тоже принимал участие в экзамене, в двадцатку лучших не попал. До экзамена успел подраться с покойным Линь Чжэнем.

Я поняла, Лу Линси создан, чтобы бесить меня в отсутствие СЧ, чтоб жизнь медом не казалась.

Запуталась я с этим жульничеством.

Ученые эссе писали сами. В него вписывали кодовое словосочетание, чтобы им поставили высокую оценку. Но если они писали сами, тогда первое их эссе должно было быть некачественным! Казалось бы, возьми их первые работы, да узнай, заслуживают они своей оценки или нет. Однако при этом Шэнь Куньсю решил их повторно проэкзаменовать, и второй раз их работы были менее качественными, чем в первый.

Выходит, их первые работы кто-то переписал, чтобы они были более качественными. Но тогда бы почерки двух эссе не совпали бы. И ТФ сейчас это бы заметил.

Там говорилось, что эссе ученых после экзамена переписывались писчими, чтобы экзаменаторы не знали, чью работу проверяют. Выходит, подменить эссе могли только на этом этапе, потому что если бы экзаменаторы подменили эссе во время проверки, то вышла бы несостыковочка: оригинальное эссе и переписанное отличались бы по содержанию.

Значит, подменить эссе можно было только до/во время переписи писчими. То есть, подкупали скорее всего писчих. Но писчие не ученые, они не могли написать качественные эссе. Или ученые и могли? Но подделать надо было оба варианта эссе: и оригинальный, написанный рукой ученика, и тот, который переписывал писчий.

Значит, ученики приходили домой, переписывали заново эссе, советуясь с “репетиторами”, затем приходили к подкупленным писцам и подменяли свое эссе новым. Но зачем тогда кодовые слова?.. Может, никакого кодового слова не было изначально. И это совпадение. Или у него была другая роль.

Что-то мне подсказывает, что МСШ не будет заморачиваться и положит болт. Честно скажу, я этот том читала давно и в сильной перемотке, поэтому не знаю, как там дело дальше повернется. Это и для меня станет сюрпризом.

ТФ МСШ весь роман позиционирует как очень уравновешенного, спокойного и терпеливого чела. При этом после пары брошенных ШКС фраз ТФ начинает истерить, гневаться, угрожать, хлопать стульями и размахивать рукавами.

Что это? Возраст? (Но ТФ 28 всего...) Стремительный карьерный рост так на него действует (то-то он так недоумевает, почему ШКС не пришел великого его встречать ;D)? Долгожданное “развитие персонажа”? От ВЧ заразился? СЧ и прочие ухаеры вынесли мозг и последние

нервы? Или МСШ просто чутка ооснула перса под конец романа?)

По поводу мини-театра:)

Сейчас в моде не несовершенная красота, а персонажи с сомнительной моралью, ха-ха)

Хотя в новелле дело в другом. ГГ тут слишком неправдоподобно “идеальный”, все его поступки при расследованиях, даже самые тупые, выставляются как гениальные. Он по сто раз наступает на одни и те же грабли (это я про разговоры со злодеями, после которых он попадает в ловушку и гибнет куча людей, ага), и вообще не растет как персонаж (Опыта неправдоподобным путешествием по стране в одиночку он набрался до основного сюжета. Дано: ТФ суперопытный гений. Это аксиома). Скукота. Второй ГГ плоский как картонка. Тут ВЧ рил самый многогранный и интересный персонаж. Жаль только, что такие персонажи, как ВЧ, не в моем вкусе. Я просто страдаю:)

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2974341>